

**ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА С КОНЦЕПТОМ *ЛОШАДЬ*  
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Антропоцентризм современной лингвистики, её внимание к национально-культурной специфике в языковой категоризации объективной действительности делают актуальными исследования о том, как одни и те же явления отражаются в разных (в том числе неродственных) языках. Этим обусловлено наше обращение к презентации представлений о лошади в русском и китайском языках. Мы проанализируем выражение фрагмента действительности, в основе которого лежит базовый концепт **лошадь**. Это такой уровень категоризации, «на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные и на котором единственный ментальный образ может отображать всю категорию» [17:71]. В задачи данной статьи входит проанализировать, как русский и китайский языки, являясь одним из средств когнитивной деятельности и реализуя свою репрезентативную функцию, отражают отношения «общее-частное» на участке действительности с концептом **лошадь** и какие признаки членов данной категории проецируются в сферы иных категорий.

Чаще всего в русском языке употребляются слова **лошадь** и **конь**, в которых не акцентирована естественно-биологическая (половая), возрастная или специфицированная качественная характеристика этого животного. Так, слово **лошадь** в МАС семантизируется следующим образом: «Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п. » [10, 2:202]. В этом толковании представлены: как бы доопытная, заложенная в нашем сознании как нечто данное информация «домашнее животное», естественнонаучная классификационная характеристика «крупное» и основная функция данного животного – использование для перевозки людей и грузов, хотя лошади используются и в других сферах человеческой деятельности (например, спорт, цирковое искусство и др.) и обладают множеством других признаков.

Слово **конь** в словарях семантизируется через слово **лошадь**, но в толкование включаются дополнительные сведения, связанные с ориентацией на пол животного и употребление слова: «Лошадь (преимущественно о самце); в речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи» [10, 2:98]. То есть слово **конь**, как и слово **лошадь**, не маркирует половую принадлежность животного. И хотя в узусе оно используется преимущественно для именовании самца, тем не менее возможно его употребление и при недифференцированном по половому признаку именовании лошадей: *Порою звучный топот коня раздавался*

*по улице, сопровождаемый скрипом ногойской арбы... [5:386]. Сыны, вставайте! Коней седлайте! [1:310].*

Между тем в русском языке имеется лексически выраженное и грамматически оформленное (с помощью существительных мужского и женского рода) представление о половой оппозиции в этой категории животных: **жеребец** – самец лошади [10, 1:478]; **кобыла** — самка лошади [10, 2:64]; **мерин** – кастрированный жеребец [10, 2:253]. Правда, в речи (в тексте) возможна нейтрализация этой оппозиции – и именно с помощью слов **конь, лошадь**; напр., в случаях именованья кобылы словом **конь**, а жеребца – словом **лошадь**:

Приятно думать у лежанки. / Но знаешь: не велеть ли в санки /  
**Кобылку** бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу, / Друг милый, предадимся бегу /  
*Нетерпеливого коня...* [7:453]

*Мальчик лет пятнадцати ... с трудом удерживал сытого пегого жеребца. ... Вася дал вожжи лошади [15:9].*

Между тем знание, представление о разных естественно-биологических особях лошади связывается и с другими их признаками, отражающимися в обыденном сознании носителей языка. Так, жеребец в нашем представлении – это обыкновенно сильная, горячая, нетерпеливая (и молодая) лошадь: *Здоровенный кучер едва сдерживал горячих лошадей. Застоявшийся красавец, – жеребец нетерпеливо бил копытами о бетон [10, 1:478].*

И хотя эти признаки не эксплицированы в словарной статье, наличие их в сознании носителей языка отражается, во-первых, синтагматически, во-вторых, в метафоре, в переносе имени жеребец на молодого, крепкого, сексуального мужчину, бурно, слишком откровенно выражающего свои эмоции (Разговорная речь: «Вот жеребец!»). Так проявляется «соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно-определенных стереотипов» [12:177]. То есть вторичная номинация в данном случае вербализует прежде всего осознание существенных признаков у прототипа; затем, осуществляя перенос некоторых из них с одного предмета на другой, обогащается прагматическим компонентом, который в нашем случае не может быть квалифицирован однозначно (положительная или отрицательная здесь оценка предмета именованья?). С одной стороны, положительная: молодой, крепкий, здоровый, сильный; но элементы натуралистичности, несдержанности сближают второй денотат с первым (прототипом) – и это приводит к аксиологическому снижению.

Кобыла – самка лошади (вариативное именование – кобылица; лас-

кат. – кобылка) – ценится в хозяйстве и за качества, свойственные любой лошади, но особенно – за её продуктивность, за потенциальный приплод (так же в крестьянском хозяйстве радуются, когда в результате отёла коровы получают тёлочку). И вот как это отношение выражается в дискурсе — в сцене беседы-торга Азамата с Казбичем (М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»):

– *Славная у тебя лошадь! – говорил Азамат: – если б я был хозяин в доме и имел **табун в триста кобыл**, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!...*

– *Если б у меня был **табун в тысячу кобыл**, – сказал Азамат, – то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза [5:289-290].*

Как видим, мерой высокой цены является не просто большое количество лошадей, предлагаемых взамен Карагёза, приглянувшегося Азамату, но именно табуны кобыл. Однако словом **кобыла** (как, впрочем, и словом **лошадь**) может актуализироваться сема «крупное» животное. Это наблюдаем при использовании их в переносном значении: кобыла — «рослая, физически развитая девочка – подросток или девушка»; лошадь – «крупная, жилистая женщина». Тогда происходит транспозиция определения «крупный» из естественнонаучной в обиходно-бытовую плоскость (в сферу сугубо внешнего восприятия) и имплицитная гиперболизация физиологической сущности (здоровая, физиологически крепкая, но лишённая женского изящества). Хотя животное лошадь, кобыла отнюдь не лишено своеобразной грациозности, но перевод знака из анималистического регистра в антропологический с акцентуацией сугубо внешних и физиологических признаков создаёт прагматический эффект снижения. Указанные переносные значения не отражены в МАС; слова с этими значениями можно охарактеризовать как относительно иконические знаки [См.: 8, 7].

«Детёныш лошади» – жеребёнок [10, 1: 478], «годовалый жеребёнок» – стригун, стригунок [10, 4: 287] – тоже ведь лошади. Этими словами в русском языке отражается возрастной признак и корреляция с тем же ментальным образом, с которым соотносятся слова **конь, жеребец, кобыла, мерин**.

В китайском языке для обозначения лошади употребляется слово **mI** (лошадь, конь), не указывающее ни на пол, ни на возраст, ни на другие какие бы то ни было признаки данного животного. Для того чтобы обозначить указанные выше признаки, строятся словосочетания: **mi mI** – самка лошади; **gong mI** – самец лошади; **shan mI** – кастрированная лошадь, кастрированный конь. Чтобы передать значение русского слова **жеребёнок**, употребляются словосочетания: **mIju** – детёныш лошади (букв.: ребёнок лошади); **xiao mI** – маленькая лошадь. То есть в китай-

ском языке концептуальная общность в данном отрезке действительности выражается одним знаком (mI), а множественность частных явлений, охватываемых одним понятием и конкретизируемых в речи, выражается синтаксически. В то время как в русском языке разнообразие явлений, объединённых базовым концептом, выливается в множественность знаков.

Эта тенденция русского языка – **лексически** обозначать разновидности лошадей – выявляется и в том, что в русском языке имеются отдельные слова для именования их характеристик по некоторым другим признакам. Так, представление о высокоскоростных качествах лошадей в обыденном сознании связывается со словами **скакун**, **рысак**, **иноходец**; хотя здесь мы входим уже в сферу достаточно глубокой детализации категории – обозначение пород лошадей. И не все носители русского языка (без обращения к словарям!) отметят, что **скакун** – это «верховая лошадь с высокими беговыми качествами» [10, 4:102]; **рысак** – это «лошадь рысистой породы» [10, 3:746], которая проявляет свои скоростные качества **в упряжке** [10, 1:66]: «Вороньe рысаки, звеня подковами по мостовой, понесли мягко подрагивающую ... коляску на дачу» [10, 3:746]; а **иноходец** – лошадь с особой походкой, с особым способом бега, при котором «лошадь попеременно выносит и опускает то обе правые, то обе левые ноги» [10, 1:669].

Рабочие лошади, используемые для перевозки тяжестей и на других трудоёмких работах, именуются в русском языке **тяжеловозами** [10, 4: 438]. А за словами **савраска**, **сивка (сивко)** закреплён в нашем сознании образ крестьянской рабочей лошади: *Укатали сивку крутые горки* (Посл.); *Савраска, запряженный в сани, понуро стоял у ворот* [6:294], хотя на самом деле эти слова являются характеристиками лошадей по масти. **Саврас** – лошадь саврасой масти: светло-гнедой с чёрным хвостом и гривой [10, 4:11]; а **сивка**, **сивко** — лошадь сивой (серовато-серой, пепельно-серой) масти [10, 4: 88-89].

Лошади тощие, ослабленные, изнурённые именуются словами **кляча** [10, 2:62], **одёр** [10, 2:591].

Наиболее известными словами, характеризующими масть лошади, являются **белый**, **вороной**, **гнедой**. И при этом **гнедой** – красновато-рыжий с чёрным хвостом и гривой [10, 1:320] – нейтральная характеристика и масти, и лошади, а вот **вороной** (чёрный) и особенно **белый** сопряжены с семантическим ореолом «очень красивый, торжественный» отсюда ФЕ **въехать на белом коне** – быть победителем.

По месту в упряжке – тройке лошадей называют **коренником** (средняя лошадь) и **пристяжными** [10, 2:102].

Именем же всей категории данных животных в русском языке, как

в китайском – **mǐ**, являются слова **лошадь, конь**: именно они (или их корни) включаются, во-первых, в терминологические конструкции (**Лошадиная сила** – внесистемная единица измерения мощности [10, 2:202]): во-вторых, в именованная сопредельных сфер человеческой деятельности (**коноводство, коннозаводческая деятельность; конница** – конное войско; кавалерия [10, 2:90]; **конная милиция; конный спорт; конка** – городская железная дорога с конной тягой, существовавшая до появления трамвая [10, 2:89]; **конюх** – работник, занятый уходом за лошадьми; **коновал** – знахарь, лечащий лошадей и — о плохом, невежественном враче [10, 2:90]; **конокрад**. В-третьих, все помещения и устройства для работы с лошадьми включают именно корень **кон'**, **кон**: **конюшня, коновязь**; мясо любой лошади называется **конина**. И, наконец, инвентарь ФЕ, пословиц и поговорок, включающих слова **лошадь, конь**, т. е. имена базового концепта, намного шире таких ФЕ (в широком понимании), которые включают слова-гипонимы, слова-конкретизаторы, отражающие видовые представления о членах данной категории (хотя и последние в русском языке представлены отнюдь не единично). То есть в словах **лошадь, конь** в наиболее общем виде заключены те совокупности смыслов, которые отражают жизненный опыт и знания людей; и эти смыслы как прототипические включаются носителями русского языка во вновь обозначаемые явления и ситуации.

При этом концептосфера каждого из названных слов шире, богаче тех значений, которые представлены в словарях. Так, слово **конь** в нашем сознании не только домашнее животное, используемое для перевозки грузов, но и *трудолюбивое, усердное* (отсюда – *работает, как конь*), *красивое* и *сильное* животное: *Молод был – конём слыл, стар стал – одёр стал* (Посл.). В народном сознании иметь коня – знак благополучия; отсюда ФЕ *быть на коне* — чувствовать себя победителем [10, 2:98].

В англ. ментальности лошадь (конь) выступает эталоном здоровья: (as) strong as a horse [13:24]. В русск.: Здоров как бык [10, 1:129].

В то же время конь – это в известной мере и **грубая сила**, ибо: *В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань* [7, 2:109].

Конь – друг, товарищ, помощник, слуга: *В молчанье, рукой оперишись ни седло, / С коня он [князь] слезает угрюмый; / И верного друга прощальной рукой / и гладит и треплет по шее крутой. / Прощай, мой товарищ, мой верный слуга. / Расстаться настало нам время...* [7, 1: 273-274].

Коня очень высоко ценим, он может быть наградой:

Открой мне всю правду, не бойся меня:

*В награду любого возьмешь ты коня* [7, 1:273]

*... Конь же лихой не имеет цены* [5:292].

Многие качества и признаки лошади (коня) метафорически проеци-

руются в сферы человеческой жизни, и образ коня используется в русском и китайском языках для передачи некоторых отвлечённых понятий и представлений. Это можно наблюдать не только с образом коня. В. Н. Топоров пишет: «Не только человек мера всех вещей, но в известном отношении и обратно: вещь – мера всех людей» [14:17]. Поэтому ассоциативные связи образов животных и человека – это языковая универсалия. Это отражается во фразеологии (при широком её понимании). В. И. Телия пишет: «... фразеологизмы, образные основания которых как бы «подсказывают» ход к их культурной интерпретации, обнаруживают двойную соотнесённость с культурой: сама их внешняя форма – это уже язык культуры, поскольку «буквальное» её прочтение соотносит образ со стереотипным, эталонным или символично значимым для данной лингвокультурной общности **мировидением**, в котором отразилось какое—либо свойство, случай, явление или ситуация – с одной стороны, а с другой – этот образ осознаётся и интерпретируется носителями данного языка в соответствии с их культурной компетенцией» [13:251]. То есть, хотя ФЕ являются вторичными знаками, в случаях сохранения центральным компонентом живой внутренней формы первое означаемое становится элементом и их значения.

Сопоставление ФЕ с именем и образом лошади (коня) в русском и китайском языках позволяет отметить, с одной стороны, некоторое сходство, а с другой – различие в их содержательной и структурной организации. Так, особенностью китайского языка является то, что большая часть ФЕ включает как минимум 4 элемента (либо 4 односложных слова, либо 2 двусложных). Таких единиц примерно 90% [2:176]. Для организации русских ФЕ количественный параметр не является релевантным. Несмотря на то, что и в русском, и в китайском языках образ коня широко используется во ФЕ, прямого совпадения конструкций и смыслов нет. Мы обнаружили только содержательное **соответствие** в некоторых единицах. При этом только в одном случае и в русской, и в китайской ФЕ присутствует образ коня: русск. **Старый конь (старая кобыла) борозды не портит** [9:441-442]; кит. Lao mǐ shì tu (Старый конь хорошо знает дорогу) [18: 343]. И в русском, и в китайском языках так говорят об опытном человеке.

В других случаях китайские ФЕ с именем коня (лошади) соотносятся по смыслу с русскими ФЕ, не имеющими этого образа. Например: кит.: **Fei lǚ fei mǎ?** = ни осёл ни лошадь [18:255] – русск. **Ни то ни сё; ни рыба ни мясо** [16: 403, 476]; кит. **Lu yao zhì mǎ lì rì jiù jiàn rén xīn** = Сила коня познаётся дальней дорогой, а сердце человека – временем [18:732] – русск. **Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть** [9:507]; кит. **Zhī lú wéi mǎ** называть оленя лошадью [18: 582] – русск.: **Называть белое чёрным** [10: 668].

В ряде китайских ФЕ мы обнаружили интересные для носителей русского языка сопоставления образа коня (лошади) с образами других животных. Так, для выражения несоответствия чего-л. чему-л. (кому-л.) используется сопоставительный ряд: губа осла – пасть лошади, голова коровы (быка) – пасть лошади: **Lь chun bu dui ma zui** – букв.: губа осла не к пасти лошади [18:395]; **Niu tou bu dui ma zui** = букв.: голова коровы (быка) не к пасти лошади [18:301]. По смыслу эти ФЕ можно соотнести с русск. *Идет как корове седло* [16:419].

С идеей несоответствия перекликается идея несовместимости, которую видим в кит. ФЕ **Niu ji tong zao** = букв.: корова и конь в одной кормушке. Последнюю ФЕ можно соотнести с русск.: *Гусь свинье не товарищ* [9:114]; *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней*.

Как видим, и в русском, и в китайском обыденном сознании (и соответственно – в языках) представлена интенция выражать понятие о несоответствии с помощью столкновения зоообразов; и при этом в одних случаях используются одинаковые зоообразы (конь – олень, лань), в других – разные: русск.: гусь – свинья, конь – рак; кит.: конь – осёл, конь – бык (корова). С другой стороны, в китайской ФЕ **Niu ma sheng huo** [18:410] образы лошади и быка (коровы) сближаются – по признаку «много и **непосильно тяжело** работать». Буквально эта ФЕ звучит так: Жить, как бык и лошадь; а образный её смысл: «очень тяжело, тупо работать; влачить рабское существование». В русских фразеологизмах работать как вол [10, 1:204], работать как ломовая лошадь [10, 2:199] при наличии смысла «тяжёлый труд» есть ещё сема «напористо работать», но сема «рабский» труд, как нам кажется, отсутствует. Хотя сема «покорно», может быть, всё же есть (в ореоле, в негативной коннотации).

Это, с одной стороны, различие между конём и коровой, а с другой – их сближение показал Н. Заболоцкий в стихотворении «Лицо коня»:

Животные не спят. Они во тьме ночной  
Стоят над миром каменной стеной.  
Рогами гладкими шумит в соломе,  
Покатая коровы голова.  
Раздвинув скулы вековые.  
Её притиснул каменистый лоб.  
И вот косноязычные глаза  
С трудом вращаются по кругу.  
Лицо коня прекрасней и умней.  
Он слышит говор листьев и камней.  
Внимательный! Он знает крик звериный  
И в ветхой роще рокот соловьиный.  
И зная всё, кому расскажет он

Свои чудесные виденья? <... . >  
 И конь стоит, как рыцарь ни часах,  
 Играет ветер в лёгких волосах.  
 Глаза горят, как два огромных мира,  
 И грива стелется, как царская порфира.  
 И если б человек увидел  
 Лицо волшебное коня,  
 Он вырвал бы язык бессильный свой  
 И отдал бы коню. Поистине достоин  
 Иметь язык волшебный конь! < ... >  
 Но вот конюшня опустела,  
 Деревья тоже разошлись.  
 Скупое утро горы спеленало,  
 Поля открыло для работ.  
 И лошадь в клетке из оглобель,  
 Повозку крытую влача,  
 Глядит покорными глазами  
 В таинственный и неподвижный мир [4:55-56].

Здесь присутствует текстовое противопоставление конь – корова, конь – лошадь как символы «красивое, умное, свободное // покорное, послушное, подавленное». В жизненном опыте русских и китайцев используется способ определять возраст лошади по зубам и образная характеристика качеств чего-л. по этому соотношению – правда, в разных сценариях и разных образных конструкциях. Так, русская пословица гласит: Дарёному коню в зубы не смотрят = не выражают недовольства подаренной (или доставшейся даром) вещью [9:117]. И говорят так именно тогда, когда подарок не нравится. А китайская ФЕ **Ma chi tu zeng** (букв. Не стоит увеличивать зубы коня (лошади) означает: «Не стоит приукрашивать действительное положение вещей» [18:378], т. е. в них имплицитно как бы противопоставлены позиции дарителя и получателя подарка: в русской пословице представлена позиция дарителя, в китайской – позиция получателя.

Идея преданности в отношениях выражается кит. **quan ma zhi lao** [18:514], букв. *служить кому-н., как собака или лошадь*. Она имеет значение «хорошо служить кому-л., проявлять преданность кому-л., в частности – начальству». В русском языке говорят **Предан, как собака**; но эта характеристика окрашена оттенком пренебрежительности.

Представление о сотрудничестве человека и коня лежит в основе целого ряда китайских ФЕ. При этом одни из них сообщают о негативных, другие о позитивных ситуациях. Напр.: **Ma yang ren fan** (букв.: конь упал, солдат упал). Значение — началась страшная паника, неразбериха [18:379]. **Ma shou shi zhan** (букв.: идти в атаку туда, куда чей-л. конь

бросается). Значение — подчиняться чьей-л. воле, быть на поводу у кого-л. [18:379].

Но представление о подлинной воинской чести тоже связано с образом коня: **Ma ge guo shi** (букв.: обернуть погибших на поле брани кожей лошади). Значение — «пасть смертью храбрых; с честью пасть на поле брани» [18:379].

В русском языке (в связи с его более детальной лексической субкатегоризацией базового концепта **лошадь**) представлены такие ФЕ, которых нет в китайском языке. Например:

*Врет как сивый мерин* = нагло, беззастенчиво врёт [10, 2:253]; *Глуп как сивый мерин* = об очень глупом человеке [10, 2:253]; *Осень на пегой кобылке ездит* = о частой смене снега грязью [11:6]. В то же время в ряде русских пословиц видим семантическую оппозицию «конь — волк», в которой лошадь представлена обеими половыми особями (кобыла, жеребец), а волк во всех случаях фигурирует как сила, враждебная этому доброму и доверчивому домашнему животному: *Кобыла с волком тягалась: один хвост да грива осталась* [3, 1:98] = не стоит вступать в неравную борьбу с сильным хищником; *Пожалел волк кобылу: оставил хвост да гриву* = Пожалел лишь на словах, а на деле причинил большой вред [9:352]; *Резвого жеребца и волк не берет* [11:168].

В нашу задачу не входило представлять полный инвентарь ФЕ с образом лошади (коня) в русском и китайском языках и всю концептосферу данной категории. Для нас важно было выяснить, как в русском и китайском языках отражается субкатегоризация концепта **лошадь**; какими средствами выражаются представленные в обыденном сознании носителей языка признаки членов данной категории; какие из их признаков проецируются на людей и в сферу отвлечённых понятий. Анализ материала показал, что в русском языке в качестве родового имени категории выступают два слова — **лошадь**, **конь**; в китайском — слово **mī**. Представление о членах данной категории, выделяемых на основании разных признаков, выражается в русском языке лексически, в результате чего имеем широкий ряд гипонимов, соотносимых с гиперонимом (именем базового концепта) как «частное — общее», а в китайском языке — синтаксически. Характерные качественные особенности членов категории, отражающие обыденное сознание, выражаются в обоих языках дискурсами разного объёма. Во вторичные номинации (словесные и фразеологические), использующие имена членов категории, включаются в большей степени общекатегориальные признаки, хотя частично и видовые. Ассоциативные связи анализируемого зоообраза с другими образами в русском и китайском языках обусловлены национально-культурными особенностями.

1. Бальмонт К. Стихотворения. — М., 1990.
  2. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. — М. . 1984.
  3. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. — М., 1984.
  4. Заболоцкий Н. Столбцы и поэмы. Стихотворения. — М., 1989.
  5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. — М., 1961-1962. — Т. 4.
  6. Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. — М., 1971.
  7. Пушкин А. С. Сочинения в 3-х т. — М. . 1985-1987.
  8. Савенкова Л. В. Иконизм как черта пословичного знака // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкозн. Тезисы межвуз. конф. . — Ростов-на-Дону, 1997.
  9. Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. — М., 1967.
  10. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М. . 1981-1984.
  11. Снегирёв И. М. Русские в своих пословицах. — М., 1831. — Кн. 2.
  12. Телия В. Н. Метифоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в создании языковой картины мира. — М., 1988.
  13. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.
  14. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифологического. — М., 1995.
  15. Тургенев И. О. Хорь и Калиныч // Собрание сочинений в 12 т. — М., 1975. — Т. 1.
  16. Фразеологический словарь русского языка. — М., 1968.
  17. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. — 1996. — №2.
  18. Nan yu cheng yu ci dian. — Bei jing: Shang wu yin shu guan chu ban, 1988. (Фразеологический словарь китайского языка. — Пекин, 1988).
- 

*Редакція «Записок з українського мовознавства»,  
«Записок з загальної лінгвістики»,  
«Записок з ономастики»  
запрошує авторів подавати статті:  
поштово: 65000 Одеса, АС 24  
електронно: jukor@te.net.ua*